

Валерий Липский: «Поступай по закону – и проблем не будет»

Новый шеф следкома по РТ о том, что думает о деле Мусина, как будет усиливать борьбу с коррупцией и зачем проводит столько приемов граждан

«За период работы в Башкортостане мной было привлечено к уголовной ответственности 105 спецсубъектов — самый большой показатель по России. Это чиновники, следователи, прокуроры», — говорит новый глава следственного управления СКР по РТ Валерий Липский. В эксклюзивном интервью «БИЗНЕС Online» он рассказал о деле «Курска», звонке маньяка, покушении на Чубайса и о том, что главное сейчас — борьба с коррупцией и открытость для населения.

«ВСПОМИНАЮ, Когда ИЗВЛЕКАЛИ ИЗ «КУРСКА» ГРУДЫ МЕТАЛЛА И ТЕЛА МОРЯКОВ»

— Валерий Андреевич, вы новый человек для правоохранительных органов Татарстана, расскажите о себе.

— Родился в 1977 году в Тамбове в семье военнослужащего. *Офицер в третьем поколении.* Из-за службы отца поменял много школ, часто ездили по гарнизонам Советского Союза. Школу

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

закончил в Подмоскowie, поступил в Военный университет минобороны на прокурорско-следственный факультет. Там отучился пять лет, выпустившись в 1999 году.

По распределению попал в военную прокуратуру Северного флота — гарнизон Видяево. Он сейчас широко известен из-за катастрофы подводной лодки «Курск». Изначально гарнизон был в удручающем состоянии — военнослужащим не начисляли зарплату по полгода. Имелась высокая преступность — большое количество хищений и мошенничеств, кражи с кораблей, подлодок...

В 2000-м погибла подлодка «Курск». Я был в составе следственной группы, но не занимался основным расследованием, поскольку на тот момент прослужил всего год. В следственную группу входили порядка 100 следователей, я в основном выполнял поручения по допросам военнослужащих гарнизона.

Вспоминаю, когда извлекали груды металла и тела моряков... Было очень тяжело допрашивать родственников погибших по установке антропометрических данных: у кого где родинка, другие приметы. Невозможно через себя все это пропускать и оставаться безучастным...

— Что было после «Курска»?

— В Видяево я проработал следователем пять лет. Особенность военной прокуратуры в том, что оперативного сопровождения нет. Нередко меня командировали в другие гарнизоны. Так, в Мурманском гарнизоне я год руководил прокурорско-следственным участком на авианосце «Адмирал Кузнецов» (*фото авианосца висит в кабинете главы СКР по РТ — прим. ред.*). Там 2,5 тысячи военнослужащих. Даже на этом уникальном корабле была преступность, но в течение года мы навели порядок. Когда закончился пятилетний контракт, я вернулся домой, трудоустроившись следователем в отдел по расследованию особо важных дел прокуратуры Московской области.

— Морально было тяжело смотреть на тот хаос?

— Хаос с приходом на пост президента Владимира Путина уменьшился: военнослужащим начали вовремя начислять зарплату, она стала увеличиваться, обстановка стабилизировалась. Я для себя решил: нужно переходить на другой уровень. *За пять лет, что проработал в военной прокуратуре, у меня не было ни одного нераскрытого преступления, не получил ни одного взыскания.* Имелась даже благодарность от Владимира Путина за расследование дела о хищении ГСМ в военных частях. Интересное дело: погрешность при замерах расходов топлива была 100 тонн — и кто-то не совладал с алчностью.

— Типичное преступление для той эпохи...

— Да, я тщательно изучил работу приборов, контролировавших объемы отпускаемого

топлива, и установил, что, например, на 20-тонных емкостях, зарытых в землю, злоумышленники меняли калибровочные таблицы, делая так, будто там лежат 30-тонники. В результате со временем резко увеличилась недостача, но мы все это расследовали и за хищение горюче-смазочных материалов к ответственности привлекли командиров частей и их подчиненных.

«у меня специализация — это главы районных и сельских администраций, депутаты»

— Переход из военной в гражданскую прокуратуру для вас был сложным?

— Нет, правовое поле одно, я проблем не ощутил, но специализация военной прокуратуры — это все же расследование должностных составов преступлений, что очень пригодилось. В первые полгода работы в Подмоскovie направил в суд уголовное дело в отношении главы района, которое 7 раз прекращалось, 15 раз приостанавливалось. *Так получилось, что у меня специализация — это главы районных и сельских администраций, депутаты.* Направлял в суд дела в отношении прокурора, следователя, сотрудников полиции. Вообще, когда расследуешь дело в отношении чиновника, приходится плотно взаимодействовать с органами власти, потому что подследственные обладают обширными связями и большими финансами.

— То есть технологию противодействия коррупции на гражданке вы хорошо знаете?

— Да, технологию отработал. После 6 лет бытности следователем понял, что это работа моя, менять ее желания нет. Когда трудился в военной прокуратуре, мне предлагали вышестоящую должность помощника военного прокурора, но я отказался, поскольку по темпераменту не мое. Предлагали уйти в военный суд — тоже отказался, поскольку для себя принял решение: с военной юстицией надо расставаться и двигаться дальше, потому что гражданское следствие в нашей стране шире.

После 8 лет службы следователем мне предложили заниматься административной работой в должности заместителя прокурора Истры в Московской области. Долго об этом думал, потому что мечтал быть следователем по особо важным делам в военной прокуратуре Северного флота, но в итоге согласился. Я стал замом по прокурорскому следствию — фактически это как руководитель большой следственной группы с пятью следователями в подчинении. Заместителем прокурора проработал полгода. Потом произошла реорганизация: из прокуратуры выделено предварительное следствие, создан следственный комитет — и с сентября 2007 года я служу в этой структуре.

В Истре проработал 9 лет. Хорошее, стабильное подразделение, у меня был самый опытный следственный отдел, средний стаж работы следователей — пять лет. В следственном комитете, особенно в Московском регионе, большая текучка. Получив опыт общения с людьми и навыки

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

работы юристом, следователи уходят в адвокаты, в бизнес, иногда и в непрофильные сферы — работа сложная, не все выдерживают.

Кстати, в Истринском районе, где я работал, проходили съемки телешоу «Дом-2». Там, надо сказать, контингент специфичный.

— **На съемочной площадке что же, преступления совершались?**

— Периодически то подерутся, то поругаются. Конечно, с юмором к этому относишься, но выполняешь свою работу.

«А потом мне позвонил... сам убийца»

— **Какие дела вам особенно запомнились по работе в Подмосковье?**

— Однажды летом (в июле 2012 года — **прим. ред.**) были обнаружены трупы двух 20-летних девушек, которых жестоко изнасиловали и убили. Рядом с местом преступления находилась камера видеонаблюдения, но качество съемки оказалось плохим из-за сильного дождя: можно было понять только то, что девушки голосовали на Ленинградском шоссе и сели в какую-то машину. Три недели следователи и оперативники бились над данным делом. В итоге удалось установить автомобили, проезжавшие в это время по трассе. При осмотре видеорегистратора одного из них выяснилось, что потерпевшие салятся в иномарку белого цвета. Все. Больше никаких доказательств. Имелся, конечно, генотип преступника, но по базе данных это лицо не «билось». В дальнейшем привлекли телевидение, канал «НТВ» объявил вознаграждение за информацию о преступнике.

Посыпались десятки звонков. Иногда люди говорили: «Я считаю, что к этому преступлению причастны мигранты. Можно мне получить миллион?» А потом мне позвонил... сам убийца. Он стал сообщать какие-то интересные факты, я начал задавать вопросы, но он бросил трубку. По звонку мы его вычислили. Звонивший оказался гражданином Молдавии. Свою причастность на следствии он отрицал и пытался оговорить земляка, чтобы получить миллион. И это после убийства двух девушек!

— **Это же сценарий для фильма...**

— Да, дело было резонансное. Очень тяжело общаться с матерями, потерявшими единственных дочерей. Когда мы искали вещи погибших, нашли презерватив с биологическими объектами предполагаемого убийцы в 17 километрах от места обнаружения трупов, в непроходимых зарослях борщевика. Преступник не ожидал, что мы настолько расширим зону поиска улик. Плюс ко всему лазить в борщевик опасно, потому что он ядовит, но в результате преступление было раскрыто, убийца осужден к пожизненному лишению свободы. Следователи работали тогда всем отделом, для них это стало делом принципа, чести.

— А такие есть?

— Таких большинство.

— И «золотой телец» их не прельщает?

— К сожалению, есть такая категория людей, которые работают хорошо, а потом их привлекают к уголовной ответственности, но мы даем этому принципиальную оценку. *Как бы положительно сотрудник ни характеризовался, закон для всех один.*

«С ХАБИРОВЫМ ДО НАЗНАЧЕНИЯ ЗНАКОМ НЕ БЫЛ. ЭТО ПРОСТО СОВПАДЕНИЕ»

— Как дальше развивалась ваша карьера?

— После работы в Истринском районе меня назначили руководителем следственного отдела в Мытищах. Город экономически развитый, средняя зарплата составляет порядка 50 тысяч рублей. Люди живут достойно, рядом Москва, многие трудоустроены в столице, поэтому часто приходилось раскрывать преступления, совершенные как на территории Мытищ, так и в Первопрестольной. Подразделение в 2 раза больше, чем в Истре. В год случалось по 25–30 убийств. Сейчас это считается много — такое же количество преступлений происходит за год во всей Мурманской области. А в Мытищах данный объем надо было перекрыть составом из 10 следователей и 2 заместителей руководителей.

Вообще, в Мытищах, где я трудился три года, часто меняли руководителей, потому что они не справлялись. Человек, который меня сменил на этом посту, не проработал и года — уволился из-за высокой нагрузки. Сейчас назначили нового — дай бог, чтобы справился.

После того как в СК России увидели, что я справляюсь, предложили перейти на вышестоящую должность в региональном главке — первым заместителем руководителя следственного управления по Магаданской области. Проанализировал перспективы: решил, что надо дальше двигаться, и согласился. Потом, правда, выяснилось, что это была просто проверка перед предложением поработать замглавы управления в Башкортостане. Дали на раздумье сутки. Через час согласился, все-таки Башкортостан ближе, чем Магаданская область. *(Улыбается.)* Хотя многие из кандидатов отказывались идти в этот регион.

— Почему?

— Это сложная территория, там большой отток кадров: на момент, когда я принял должность, из 360 сотрудников 72 были уволены — один из самых больших оттоков по России. Мне сразу предложили исполнять обязанности руководителя, которого на тот момент там не имелось уже в течение полутора-двух лет. Я как руководитель территориального отдела — фактически

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

командир взвода — сразу возглавил следственное управление самой большой *(по численности населения — прим. ред.)* республики в России. Подразделения там «рабочие». Ведомство было немного разрозненное, но мне удалось его сплотить, и отток личного состава сократился с 20 процентов до 7. Наступила стабилизация.

— Это, наверное, неслучайно совпало с приходом нового главы Башкортостана Радия Хабирова? Он тоже в Подмоскovie работал — в Красногорске.

— Иногда говорят, что я близок к Хабирову. Нет. Я с ним до назначения в Башкортостан знаком не был. Красногорск хоть и рядом с Истрой, но мы никогда не пересекались. Это совпадение и только.

В Башкортостане я сразу поставил личному составу задачу сделать упор на выявление коррупционных преступлений, правонарушений в отношении социально незащищенных слоев граждан, несовершеннолетних, а также особо тяжких преступлений. *Иногда спрашивают: чем в Башкортостане лучше, чем в Татарстане? Да там все так же!* Что удалось сделать в РБ? *Произошел рост по выявленным коррупционным преступлениям: возбудили 370 уголовных дел по 711 эпизодам.*

Мной было привлечено к уголовной ответственности 105 спецсубъектов — это самый большой показатель по России. *Возбуждены уголовные дела в отношении 41 главы органов местного самоуправления, 37 депутатов разных уровней.* Из 105 дел, которые возбудили в отношении чиновников, уже 60 направлено в суд. По остальным делам расследование продолжается. Также за должностные преступления привлечены чиновники, которые не являются спецсубъектами. К примеру, вице-премьер правительства республики, бывший министр земельных и имущественных отношений (*Евгений Гурьев — прим. ред.*), который с 2015 по 2018 год давал незаконные указания о выделении земельных участков по заниженной цене, в результате чего причинен ущерб бюджету в размере 573 миллионов рублей.

— Это совпало с приходом новой команды в республику. Наверное, было легче работать, потому что «телефонное право» не так действовало в этот момент.

— Можно сказать так: где-то легче, где-то нет. Но из того, что я озвучил, *процентов 20 чиновников были привлечены уже из новой команды.*

— С чем связано такое количество уголовных дел в отношении чиновников — это самоцель, указание центра или ваше личное видение борьбы с коррупцией?

— Не было указания, что надо привлечь как можно больше чиновников. Люди обращаются к нам с заявлениями, поступают материалы оперативно-разыскных мероприятий из МВД, ФСБ. Мы просто им даем принципиальную оценку.

— То есть какого-то «плана посадок» у вас не было?

— Нет. Когда я пришел в Башкортостан, у меня имелся план только продержаться. *(Улыбается.)* Но получилось по этой линии себя проявить. *Когда не знаешь, как действовать, поступай по закону — и проблем никаких не возникнет.*

«МНОГИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОВЕРШАЮТСЯ ПРИ ПОПУСТИТЕЛЬСТВЕ РУКОВОДСТВА региона»

— Исходя из вашего опыта, скажите: коррупция в России — это частные эпизоды или общая болезнь?

— Я считаю, что *многие коррупционные преступления совершаются при попустительстве руководства того или иного региона.* В Башкортостане так произошло, потому что, видимо, на это раньше смотрели спуская рукава. Пришел новый глава республики Радий Хабиров — он энергичный, стал спрашивать результат.

За три дня до моего назначения в Татарстан в Башкортостане было направлено в суд уголовное дело по дольщикам. Депутат одного из муниципальных образований Дмитрий Комлев с бизнес-партнерами привлек денежные средства на сумму свыше 2 миллиардов рублей, обманув 1,2 тысячи дольщиков. У людей, которые вложились в жилье, часто была критическая ситуация: они брали ипотеку. Нам удалось арестовать имущество на 970 миллионов рублей. Конечно, это полностью не покрывает ущерба, тем не менее работа в данной части была проведена большая.

— Предполагалось, что вы уже не в качестве и. о. возглавите СКР по Башкортостану? Есть ощущение, что по каким-то причинам не прошли?

— Нет, мне никто ничего не обещал. Было предложение: «Вы готовы?» — «Готов». В процессе моей работы на эту должность примерялись несколько руководителей, но никто не соглашался. Волевым решением принял руководитель по Челябинской области *(Денис Чернятьев — прим. ред.)*, который и оказался назначен в Башкортостан.

За время моей работы *в республике в 3,5 раза сократилось количество людей, которые хотят попасть на личный прием к председателю следственного комитета с жалобами.*

Руководители территориальных следственных отделов были ориентированы на решение проблем людей на местах. Я брал на личный контроль всех заявителей, которые пришли ко мне на прием. Мне еженедельно докладывали, что сделано по уголовному делу, каковы результаты доследственной проверки и так далее. Иногда стараюсь решить проблему людей неформально. Однажды к нам обратилась семья погорельцев из Башкортостана — у них сгорел дом, было 10 детей (по факту 16, просто шестеро уже выросли). Им предоставили двухкомнатную квартиру, в ней с 10 детьми жить невозможно. Они обращались к чиновникам,

но их кормили завтраками, проблема не решалась. Пришлось применить административный ресурс — в правовом поле, разумеется: обратиться к руководству республики, после чего через благотворительный фонд семье приобрели дом. Она была очень счастлива. Конечно, тут мы вышли за рамки полномочий СК, тем не менее помогли людям.

«После ухода Николаева следственное управление просело по ряду показателей»

— Как вам предложили пойти на повышение?

— В ноябре 2019 года я прошел аттестацию. В СК оценили мои показатели работы и рекомендовали назначить на вышестоящую должность.

— От кого поступило конкретное предложение?

— После аттестации меня пригласил к себе председатель СКР Александр Иванович Бастрыкин и предложил возглавить следственное управление по Татарстану. Насколько я понимаю, предложение было сделано исходя из тех достижений и показателей, которых удалось добиться в РБ. Ну и, наверное, потому, что Башкортостан и Татарстан — родственные между собой республики и по конфессии, и по национальному признаку, и по структуре экономики. В Уфе я смог найти общий язык с коллективом. Нормальные, «рабочие» ребята. Я им доверял, делегировал полномочия — трудились нормально. Когда грамотно управляешь коллективом (не хочется хвалиться, конечно), будут результаты. Но и проблем осталось много. Есть они и здесь, в Татарстане.

— Какую задачу по РТ поставил Бастрыкин? Обратил на что-то особое внимание?

— Задачи у нас по всем территориям примерно одни и те же: качественное расследование уголовных дел, проведение доследственных проверок, противодействие коррупции, защита прав несовершеннолетних и социально незащищенных граждан. Целей много. *Специфической задачи по республике у меня нет.*

— Предложение Бастрыкина вы сразу приняли?

— Да, сразу. Когда я только возглавлял управление по Башкортостану, мне это было интересно. А потом, когда уже поруководил управлением и у меня получилось, я себе сказал: а почему бы и нет?

— Приехали сюда с каким-то стратегическим планом? Что увидели в следственном комитете, который прожил без руководителя некоторое время?

— СУ по Татарстану было на ведущих позициях при Павле Николаеве. Он грамотный руководитель, создал сплоченный коллектив — здесь много сильных сотрудников. После

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

ухода Николаева управление просело по ряду показателей. По 2019 году рост преступлений в Татарстане составил 14 процентов, а СУ СК по РТ «упало» на 7 процентов по окончанным производством уголовным делам. О чем это говорит? Много латентных преступлений, которые просто не выявляются.

Я поставил личному составу задачу более внимательно анализировать сводки, которые к ним поступают. Изменил организационные документы, чтобы сразу в момент поступления сообщений о преступлениях знать о них, ставить на контроль. В качестве примера: у нас один из критериев оценки деятельности — расследование преступлений прошлых лет. Башкортостан по итогам 2019 года окончил производство по 178 преступлениям — это первое место по России. Татарстан же окончил производство только по 100 преступлениям.

В первый же день работы поставил задачу руководителям территориальных следственных отделов и аппарата поднять старые уголовные дела: проанализировать доказательства, основания, по которым они были приостановлены. Направил руководителей аппарата и старших помощников по районам, чтобы они проверили на территориях укрытые преступления, а также процесс взаимодействия с прокурорами, начальниками ОВД, узнали, какие проблемы есть.

В результате по состоянию на 31 марта окончено производство по уголовным делам о 63 преступлениях прошлых лет. То есть за квартал достигли показателей 6 месяцев прошлого года.

— А до вашего прихода эти дела просто лежали?

— Да, они были приостановлены. Или подозреваемый не установлен, или кто-то в розыске находился. Нужно было просто дать поручения сотрудникам полиции, чтобы установили местонахождение преступника, сходилишний раз к нему домой и привели к следователю.

«СОВПАДЕНИЕ ИЛИ НЕТ, НО МАТЕРИАЛЫ ПРОВЕРКИ ФСБ ПО МЧС ПОСТУПИЛИ К НАМ В ДЕНЬ МОЕГО ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ»

— Резонансное дело последних дней — в отношении замминистра по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям РТ Ильхама Насибуллина. Это из разряда «отказных» и вы его реанимировали?

— Нет. Оперативно-разыскные мероприятия по МЧС РТ проводили сотрудники ФСБ. Материалы проверки (я не знаю, совпадение это или нет, может, меня они ждали) поступили в день моего вступления в должность. Я взял дело на контроль. *Оперативно-разыскные мероприятия и доследственная проверка проводились в скрытом режиме — я замкнул это дело на себя, чтобы не было утечки. По результатам судом арестован замминистра ЧС и два коммерсанта.*

— **Министр допрашивался?**

— Пока не буду давать комментарий о том, что мы делаем. Точка в деле не поставлена.

— **Вы возбудили дело о мошенничестве, но эксперты говорят, что там может быть недополученная выгода. Как это прокомментируете?**

— Там была создана аффилированная структура. Вместо того чтобы деньги поступали в государственное казенное учреждение, в бюджет нашей республики, они направлялись на счета коммерческих фирм. В совокупности туда поступил 161 миллион рублей. Должностные лица министерства обеспечивали условия, благоприятствующие извлечению прибыли. Безвозмездно было использовано оборудование МЧС, материально-техническая база, кадры предоставлялись.

— **Сомнений в преступлении у вас нет?**

— Нет. Мы усмотрели признаки преступлений, по которым сейчас возбудили дело: мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями. Какая будет итоговая квалификация, определим в ходе следствия. Естественно, не станем ограничиваться статьями, по которым уже возбудили производство. Можем рассмотреть дополнительные эпизоды. Сейчас провели обыски, есть оперативные материалы, которые я и следователь считаем достаточными для привлечения людей к уголовной ответственности. *Кого будем еще привлекать по делу, я пока комментировать не стану*, поскольку здесь должен присутствовать элемент неожиданности.

«по тфб ВОПРОС НЕ ЗАКРЫТ, БУДЕМ РАЗБИРАТЬСЯ»

— **Одно из громких дел последних лет — это дело Татфондбанка и Роберта Мусина, оно сейчас находится в суде. Поступают ли жалобы по нему? Возможны ли уголовные дела по новым эпизодам?**

— Детали данного дела мне известны. Оно направлено в суд, его утвердил прокурор, сейчас поддерживает по нему гособвинение. У суда сегодня есть полномочия, если неправильная, заниженная квалификация, вернуть дело. Но, насколько я вижу, ни прокуратура, ни суд не заявляют об этом. *Настрой на то, чтобы данного человека [Роберта Мусина] привлечь к уголовной ответственности* и в рамках исковых требований обеспечительные меры к нему применить.

Естественно, люди говорят: «Где наши деньги? Где наши вклады?» Еще просят: «Вернитесь [к расследованию]». Скажу так: был проведен большой объем следственных действий, работал целый отдел по нему. Какую-то сумму украденных денег удалось вернуть, какую-то — нет. АСВ боится сумму вклада в 1,4 миллиона, но когда люди кладут большую сумму под какие-

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

то «интересные» проценты, то это элемент риска. Было бы целесообразно раскидать такие средства по нескольким банкам.

Нужно отметить, что на завершающем этапе расследование еще одного уголовного дела — в отношении пяти бывших сотрудников ИК «ТФБ Финанс», похитивших средства 1 739 граждан на сумму более 2,3 миллиарда рублей и обративших их в распоряжение Татфондбанка и подконтрольных юрлиц. Сейчас идет процедура ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела, объем которого составляет 534 тома.

— **Да, но есть же еще пострадавшие юрлица.**

— Да, юрлица — это проблема. Сейчас в АСВ еще аккумулируются какие-то материалы. Если они к нам поступят, то мы к данному вопросу можем вернуться.

— **Значит, следствие по ТФБ окончательно не закрыто?**

— *Да. Вопрос окончательно не закрыт, будем разбираться.* Я в должности проработал всего месяц, в какие-то вещи вник, но, сами понимаете, только на знакомство с личным составом ушло порядка двух недель.

«НИКАКОЙ РОТАЦИИ НЕТ... А РЕШЕНИЕ ЗАМОВ УВАЖАЮ»

— **Сколько человек у вас в подчинении?**

— 400.

— **С каждым пытаетесь беседовать или только с начальниками?**

— Я стараюсь беседовать с руководителями аппарата, отделов. Хотя бы час, два, три надо с человеком поговорить, понять, какие у него проблемы. Еще есть и текущая работа — поступают обращения, нужно их изучать. Поэтому первые две недели ушли на работу с документами и изучение почты. Многие люди хотят попасть на прием. *За небольшой промежуток времени принял порядка 100 человек.*

— **Лично?**

— Да. Я выезжал в Набережные Челны, самый крупный город республики после Казани, чтобы понять, какие там проблемы. Отправлялся в Зеленодольск, потому что оттуда много обращений. Надо персонально общаться с людьми, разъяснять им, кто прав, а кто — нет, как будем решать проблему. В Зеленодольске со мной в приеме принимал участие глава города Михаил Афанасьев, в Челнах — уполномоченный по правам человека Сария Сабурская.

— Зачем вам встречаться с людьми лично, вы же с ходу не можете сразу разобраться в вопросе? Или это указание Бастрыкина, который сам встречается с людьми?

— Я требую от руководителей территориальных следственных отделов, чтобы они общались с населением, чтобы понимали, какие у граждан трудности. Такую же работу строю сам. Да, иногда глубоко не могу вникнуть в проблему человека, но вопрос себе ставлю на контроль — и в установленный законом срок мне докладывают по этой ситуации: что можем сделать, как ему помочь.

— Может, через два года вы тоже станете небожителем и перестанете принимать людей?

— Через два года вы сами проанализируете мою работу. (Смеется.)

— То есть вы считаете такую открытость нормой?

— Да, это норма. В Башкортостане сначала очень много людей приходило — до сотни на один прием, а под конец, бывало, приезжаю в район, а там придут два человека, шесть... Раньше даже с другой территории приезжали, просто потому что видели объявление: «Липский осуществляет прием». *Принял за год 500 человек — из них контрольных вопросов осталось около 40, по остальным проблему сразу решили.* Какое-то дело в суд направили, какое-то прекратили, объяснив, что перспектив нет.

В татарстанском управлении будет пересмотрена работа с населением. Мое требование — чтобы личные приемы проводились под видео- или аудиозапись, чтобы руководители отчитывались, кого они приняли, кого — нет, потому что часто люди обращаются (я столкнулся с этим в Башкортостане) и говорят: «Нас не принимают». В распоряжении четко прописано, когда, кто и по каким местам должен принять. В Башкортостане в 2018 году были приняты 3 тысячи человек, в 2019-м — 7 тысяч. Мы не гонимся за показателями, но все это привело к тому, что в Башкортостане начиная с 2020-го количество обращений сократилось на 20 процентов. То есть следователи стали общаться с населением, разъяснять, чья подследственность, какие у нас полномочия, что мы можем, а что не сможем сделать.

— Познакомившись с подчиненными, с руководителями отделов, вы решили для себя, что нужно здесь изменить, а что, наоборот, сохранить?

— Мне понравилось, что в аппарате находится пять следственных отделов [по особо важным делам]. Это плюс. В Башкортостане было три и еще маленькое отделение. Здесь больше ребят, которые специализируются на каких-то сложных уголовных делах, потому что районы очень часто занимаются текучкой. *Все пять следственных отделов я сохраняю.*

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

В аппарате мной будут пересмотрены подразделения — это небольшие штатные мероприятия. Сейчас там я своим распоряжением уже немножко видоизменил управление, подобное — чисто технические вопросы.

— **Правда ли, что вы запустили ротацию руководителей отделов СУ по РТ?**

— Никакой ротации нет. Я стану оценивать работу по показателям, направлениям, просто так никого увольнять не планирую, буду смотреть и опираться на местные кадры.

— **Два зама уже ушли от вас...**

— Потому что я *пересмотрел полномочия, функциональные обязанности. Они для себя приняли решения.* Оба, я считаю, достойные офицеры, они принесли немало пользы. Конечно, есть и критика в их адрес, и в мою сторону будут замечания, раньше тоже имелись. Но они для себя приняли решение, я его уважаю.

В территориальных следственных отделах сотрудники работают, я «нарезал» им задачи. Кто справится, тот будет работать. Но каких-то заоблачных требований я не выдвигаю.

— **А кто будет вашими замами, определили уже?**

— Заместители будут, когда их назначат по представлению председателя СКР и указу президента России. Не станем забегать вперед.

— **Наверное, какая-то команда небольшая приедет в республику вместе с вами?**

— В Башкортостане я опирался на местные кадры. Заместитель с 2008 года работал там, руководитель аппарата...

— **То есть вы с собой команду не возите?**

— У меня были ребята, которые пришли на рядовые должности. Это два человека, которые не захотели назначаться в Мытищи и поехали в Уфу. Оба хорошие, сильные, молодые следователи. Ну какая это команда? Команда только в том, что они вместе со мной работают и мне за них не стыдно.

— **То есть следственного «десанта» Татарстану ожидать не стоит?**

— *Нет, «десанта» никакого не будет. Станем опираться на местные кадры.* Просто есть требования, которые я довел до личного состава.

«В ТАТАРСТАНЕ есть запрос на перемены»

— С местными силовиками уже наладили взаимодействие?

— Я с ними познакомился. Считаю, что взаимодействие конструктивное, нормальное. Вот, пожалуйста: все ждут нового начальника ФСБ, а уже сработали по материалу, который выявили до его прихода. Потому не надо говорить о том, что здесь все стояло и ничего не происходило.

— В Башкортостане имелся какой-то орган, который координировал взаимодействие силовых структур? В Татарстане традиционно как-то больше синергии...

— *В моей трудовой деятельности конфронтаций с руководителями силовых ведомств не было.* Если по материалу есть состав преступления, мы его возбуждаем, если нет — объясняем, почему нет перспектив.

— Но какой-то координатор должен быть среди силовиков? Условно говоря, местный руководитель ФСБ, или прокурор, или руководитель суда?

— Надзор за следственным комитетом и МВД осуществляет прокурор. За ФСБ — военная прокуратура, поскольку они военнослужащие. Суд не входит в силовой блок, он третья ветвь власти. В Башкортостане, как по мне, было эффективное взаимодействие.

В Татарстане я не вижу каких-то препятствий ни со стороны руководства республики, ни со стороны силовиков. Наоборот, есть запрос на перемены.

— Вы информируете власти о новых громких уголовных делах?

— Нет, например, по вопросу о МЧС не информировал власти в целом, потому что тут должен быть элемент неожиданности, чтобы не имелось утечки. Но я с президентом республики пообщался, он нормально отнесся, дал принципиальную оценку.

— О каких-то правилах игры договорились с руководством республики?

— *Никаких правил игры нет. У нас правовое поле единое — что в Москве, что в Татарстане, что в Башкортостане.*

— Но координация же должна быть, неформальные взаимоотношения, взаимодействие...

— Иногда заявители обращаются с такими проблемами и вопросами, которые находятся вне моих полномочий, — например, где-то они не могут платить по каким-то контрактам или за услуги. Такие социальные задачи я стараюсь решить при помощи руководства республики,

чтобы не было общественного взрыва. И мы по таким вопросам договорились, Рустам Нургалиевич к подобному нормально относится. Потому что *иногда понятие закона и понятие справедливости расходятся*, тем не менее по справедливости, когда есть решение суда и люди просят помочь решить их проблему...

— Какое впечатление от республики?

— Хорошее. Казань — сильный, красивый город. Видно, что сам Татарстан — мощный, эффективно развивается. Это регион, в котором приятно жить и работать. Нормальные, рабочие отношения с главой республики, руководством.

«лучше не привлечь ни одного невиновного, а иначе как с этим дальше жить?»

— Мы деловая газета, наш круг читателей — деловое сообщество. Сейчас у него в целом неоднозначное отношение к силовикам, в частности к СКР, потому что между делами о мошенничестве и обычными бизнес-спорами очень тонкая грань: какой-то предприниматель может привлечь силовиков на свою сторону, вместо того чтобы судиться в арбитраже. А потом у людей рушится бизнес, предприниматели оказываются в СИЗО... Как вы собираетесь решать проблему давления на бизнес?

— Президент России поставил задачу не препятствовать развитию бизнеса. *Это очень важный вопрос, когда предприниматели необоснованно привлекаются к уголовной ответственности и когда другие бизнесмены через силовиков решают свои проблемы.* За короткий промежуток времени, который я работаю в Татарстане, ко мне уже обратились на личном приеме, причем в один и тот же день, противоборствующие стороны одного бизнес-конфликта. Для нас, сотрудников СКР, есть обвиняемый и потерпевший. Какая-то сторона всегда нами недовольна.

Вопрос по поводу обращений предпринимателей я тщательным образом стану анализировать. Если под видом уголовного преследования пытаются решать какие-то гражданско-правовые вопросы, буду давать этому принципиальную оценку.

— Есть же Арбитражный суд — массу дел можно и там решить!

— Я, наверное, 10–15 людям на приеме в Зеленодольске разъяснял статью 90 УПК РФ — о том, что решение суда в рамках гражданско-правового разбирательства признается судом, прокурором и следователем без дополнительной проверки. Потому что *люди, которые уже проиграли суд, пытаются через СК свою проблему решить.* Считаю, что это неправильно.

— Предпринимателей сразу «закрывают». Если человек известный, он же никуда не сбежит. Посадить руководителя компании — это высокая вероятность потери бизнеса.

— На самом деле *количество уголовных дел, по которым избирается мера изоляции, в СК составляет всего 14 процентов*. Говорят: «Вам лишь бы человека „закрыть“!» Вот 14 процентов — это удельный вес по должностным, коррупционным, налоговым преступлениям... По данным статьям применяется изоляция только в единичных случаях. Тот же самый министр земельных и имущественных отношений Башкортостана — в отношении него избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, хотя сумма ущерба, который он нанес стране, составила 571 миллион рублей.

— **А замглавы МЧС РФ?**

— Дело в том, что он своим положением может влиять на результаты расследования. Сейчас люди изолированы. Но прибыль в 161 миллион, которую извлекло юрлицо, — это только то, про что мы знаем. Злоумышленниками еще и предприятиям нефтехима, которые являются градообразующими, навязывалось предоставление услуг. Сейчас разбираемся, куда и какие деньги уходили. Рассматривается возможность возбуждения дел по дополнительным эпизодам. Преступления совершены тяжкие, по ним грозит наказание до 10 лет лишения свободы, поэтому к чиновникам особое отношение.

У нас по стране сейчас вообще количество заключенных уменьшается, а число силовиков и чиновников, которые находятся в местах лишения свободы, наоборот, растет.

— **Как бы в 37-й год не свалиться...**

— Нет, 37-го года нет и не будет. *Иногда случаются перегибы, но и растет количество оправдательных приговоров по стране.*

— **Конечно, дискуссия должна быть.**

— Когда ввели институт присяжных, правозащитники стали говорить, что это здорово, что увеличилось количество оправдательных приговоров. Но вы возьмите сторону потерпевших! Ко мне пришла одна женщина на прием и говорит: «Спасибо большое следователю за то, что педофила привлекли к уголовной ответственности». А как быть, когда непрофессиональные юристы дают оценку действиям подсудимого и оправдывают его? Какие чувства возникли у потерпевших, когда обвиняемый сначала при адвокате, под видеозапись, на следственном эксперименте показывал, как задушил жертву, а потом заявил, что его били, хотя это материалами дела не подтверждается?! И его взяли и оправдали. Как относиться к этому факту потерпевшим?!

Чиновники, кстати, наоборот, не любят суды присяжных, потому что общество ментально негативно относится к представителям власти, и они просят рассматривать их дела одним судьей или трехсоставным судом.

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

Кроме того, к сожалению, у нас население часто не имеет активной гражданской позиции. Например, в Истринском районе суд направлял людям приглашения участвовать присяжными заседателями по два раза — и так израсходовал все деньги на делопроизводство за год. Я считаю, что пока данный институт сырой.

Задачи привлечь как можно больше людей к ответственности у нас нет. Раньше, когда я был курсантом прокурорско-следственного факультета, говорили: лучше не привлечь 10 виновных, чем привлечь одного невиновного. *Когда начал работу следователем, понял: лучше не привлечь ни одного невиновного, а иначе как с этим дальше жить?!*

— Насколько сейчас коррумпирована Россия?

— Это проблема нашей страны, мы с ней боремся. На примере Башкортостана: посмотрите, какое количество преступлений выявили среди спецсубъектов, уже не говоря про простых чиновников. Проблема существует, но *уже нет той наглости, как в 90-е годы, когда открыто объявляли о мзде*. Сейчас подобного нет.

— Боятся?

— Да. Одного поймали, второго, третьего — и люди уже задумываются: «А стоит ли оно того?»

«Следственный комитет по РТ — 400 человек, а республика — 4 миллиона. Много силовиков? Я считаю, что минимальное количество»

— Вы работали в Видяево, видели точки распада страны. Куда сейчас идет государство?

— *Россия идет вверх*. В 1994 году, когда я поступил в военный вуз, у нас был самый низкий рейтинг поступления. Многие мои сверстники говорили: «Зачем ты туда идешь? Тебя же потом служить далеко отправят! Давай пойдем в охрану — и зарплата у тебя будет не 10 рублей, а 500». А потом люди поменялись. Трансформировалось отношение к армии. *У нас сейчас установка, что у России союзники — это армия и флот, никому мы больше не нужны*, войска НАТО нас защищать не станут. Если мы будем слабы, нас поработят и разграбят.

— Вы считаете, что наше общество постепенно выздоравливает?

— Да. Стало нормальным отношение к армии. *Офицеры перестали бояться ходить в форме по улицам*. Потому что в 90-е руководство страны втаптывало в грязь Вооруженные силы — тех, на кого оно должно было полагаться. Думаю, это все «строилось» благодаря поддержке из-за океана.

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

Когда был в Зеленодольске, ездил в Раифский интернат для детей, которые там находятся по решению суда. Меня приятно удивило, что у них военно-патриотическое воспитание, а форма одежды — военный камуфляж. Они занимаются спортом, бегают с автоматами. У них в почете служба Родине: кто-то хочет поступить в школу прапорщиков, в военное училище. А 7 лет назад они были одеты в черные фуфайки, шапки — это маленькие «зэки», и субкультура соответствующая. Ну и кем они захотят стать?

Мы с прошлого года стараемся брать в учебные заведения СК неблагополучных детей, которые находятся в таких закрытых учреждениях. Чтобы их ментально исправлять, нужно поместить ребят в нормальную среду, чтобы они работали против тех идеалов, которые пропагандирует преступное сообщество.

— **Сейчас есть другая крайность: говорят, что в обществе засилье силовиков.**

— Следственный комитет по РТ — 400 человек, а республика — 4 миллиона. Много силовиков? Я считаю, что минимальное количество.

— **А если учитывать МВД, прокуратуру...**

— Но вы возьмите в расчет то, какая у нас территория и сколько населения.

— **Не по количеству, а по давлению на бизнес — те же самые проверки, которыми мучают.**

— Количество проверок сокращается. Взять те же самые уголовные дела, которые возбуждаются по мошенничеству, — там уже нет такого вала коммерсантов, который был 15–20 лет назад. Подход взвешенный. И *с нас за это спрашивают: дескать, какое дело возбудили и чего вы туда вообще влезли.*

«ПОКУШЕНИЕ НА ЧУБАЙСА? ЛИЧНО МОЕ УБЕЖДЕНИЕ: ЭТО НЕ ИНСЦЕНИРОВКА»

— **Вы работали в следственной группе, которая расследовала покушение на Анатолия Чубайса. Можете об этом деле рассказать?**

— Был морозный день, 17 марта, год уже не помню (2005-й — прим. ред.). Получилось так: я проходил по коридору, мне руководитель подразделения говорит: «Ты чем занимаешься?» — «Ничем» — «Садись в „Газель“ и с криминалистами езжай на происшествие». Я прибыл — и выяснилось, что это место, где было совершено покушение на Анатолия Чубайса.

Порядка 12 часов на морозе осматривали весь лес, упаковывали вещдоки. Потом по всем

Официальный сайт
**Следственный комитет
Российской Федерации**

предметам, которые были изъяты, назначал экспертизы. У меня кабинет был завален оружием, всяким «хламом», и я вместе с начальником отдела криминалистики сидел и анализировал это все.

Когда раскрывали преступление, я спал на столе в кабинете дней пять, потом пришла жена, принесла зубную щетку и пасту, потому что все некогда было...

Лично мое внутреннее убеждение: Владимир Квачков причастен к данному преступлению. Это не инсценировка. Доказательств было достаточно, но вердикт присяжных: «Оправдан».

— А какое у вас к Чубайсу отношение?

— Нейтральное — ни хорошее, ни плохое...

— Расскажите про семью. Вы ее в Татарстан уже перевезли?

— Нет, пока не перевез, чтобы дети закончили учебный год. Я их и в Башкортостан не привозил, они в Московской области оставались. Жена у меня практикующий врач. Дети — три сына: 4, 9 и 14 лет.

— По семейной традиции пойдут в военные?

— Посмотрим, кто и что захочет. Настаивать не буду. Я-то военный в третьем поколении, по прокурорско-следственной линии у меня нет никого, сам выбрал данное направление. Следователем стал случайно: когда поступил, все ребята написали рапорт на прокурорско-следственный факультет, а не на военно-юридический, потому что это «круче». Сказал: «Я с вами». И все.

«я в Татарстане до этого никогда не был. Соответственно, никого тут не знаю, никому ничего не должен»

— Как вы боретесь с «телефонным правом»?

— *Я не региональный, а федеральный чиновник, назначал меня президент страны. Там, где чьи-то интересы будут переплетаться с каким-то беззаконием, стану действовать по закону. Когда приехал в Уфу, оказался там впервые. Так же и здесь — в Татарстане до этого никогда не был. Соответственно, никого тут не знаю, никому ничего не должен.*

— Это плюс, когда назначают варяга?

— Да, конечно, когда из другого региона приехал — плюс. Меня спрашивали: «Как ты там, в Уфе, после Москвы?» Но я же из семьи военнослужащего. Жил в отдаленных гарнизонах,

где вообще были большие проблемы по выживаемости. Четыре года прожил в Семипалатинской области, в 100 километрах Семипалатинский полигон: ты в школе сидишь, а там взрыв происходит. То атомный взрыв, то ребенок рождается без глаза или руки. Я тогда родителей спрашивал: «А почему вы мне не родили братика или сестренку?» Они мне говорили: «Сынок, нельзя». В Видяево было всего 52 дома пятиэтажных, из них 10 разрушенных. Потом уже, когда «Курск» погиб, там построили аквапарк, все отремонтировали.

— Открытость — это ваш стиль? Вы и дальше будете открытым с прессой?

— Я всегда был открытым: и в Истре, и в Мытищах, и в Башкортостане. Где-то станем признавать свои поражения, потому что не будут у нас только победы, не все преступления сможем раскрыть. Я поработал всего месяц в новой должности, тяжело давать комментарии. Часто просят очень много конкретики. Иногда не знаю цифр, потому что в производстве находится 3 тысячи дел и какие-то детали раскрывать нельзя.

Будучи и. о. в Башкортостане, я давал интервью — под одним из них было 15 комментариев. А здесь, посмотрел в вашей газете, 324! То есть люди заряжены на изменения, активное гражданское общество. *Много комментариев видел о том, что люди просят перемен.* Я стану работать над этим в рамках своих полномочий и с тем личным составом, который есть.

Запрос на открытость огромный. К сожалению, в последние годы многие — и чиновники, и силовики — исповедуют закрытый стиль. Его считаю абсолютно неправильным. Я сюда приехал надолго, приказом меня назначили на пять лет. Меня уже спрашивают: «Где тяжелее — в Башкортостане или Татарстане?» Там было очень тяжело, сейчас уже есть опыт. Я знаю, что надо поправить. В целом здесь коллектив нормальный, рабочий, для диалога открыт. *И я с руководством республики не согласовываю, когда мы пойдем с обысками к кому-то. Если подобное здесь практиковалось раньше, то больше этого не будет.*

<https://www.business-gazeta.ru/article/463971>

06 Апреля 2020